

Мизансцены на собрании коллектива Самарского театра драмы возникали самые разные, но эмоции изливались исключительно негативного характера. Напрасно начальник областного управления культуры Светлана Хумарьян пыталась сдержать возмущение людей. Коллектив был готов выразить недоверие главному режиссеру и художественному руководителю театра Вячеславу Гвоздкову. Как ни пытались высокие начальники обломать профсоюзный актив и сорвать голосование, оно через несколько дней все-таки состоялось. Против Гвоздкова голосовал 81 человек, за — тринадцать.

Высказанные ему обвинения Гвоздков отвергает. Да, платил бешеные по местным понятиям гонорары приглашенным режиссерам и художникам, не забывая при этом и себя. За пять репетиций пьес Франсуазы Саган, к примеру, отхватил аванс в 24 миллиона рублей. Но по европейским стандартам, которыми руководствуется Вячеслав Алексеевич, это не повод для разговора. Да и в России такие гонорары не редкость, если у театра есть деньги и после выплаты десятков миллионов худруку остается на хлеб с маслом и артистам, занятым в спектакле. В Самаре же после столь щедрых жестов перестали выплачивать даже пособие на детей. Средняя зарплата в театре в пределах трехсот тысяч рублей, а прожиточный минимум для Самарской области почти на сто тысяч больше. Кстати, до прихода Гвоздкова за спектакли режиссеры получали в пределах двух-трех миллионов. Да, за девять месяцев проговорил по телефону более двадцати «лимонов», но ведь Гвоздков — творческая личность, которой надо самовыражаться. Худрук также ухопал почти восемьсот миллионов рублей на световое оборудование.

Петр Монастырский, руководящий театром сорок лет, покупал оборудование дороже теперешнего. В 1993 году на него было истратчено 200 тысяч долларов, и это не вызвало никаких возражений в коллективе. Деньги выделяли спонсоры — не тощий карман театра. Израсходовали их рационально, и оно служит до сих пор. То, что приобрел Гвоздков, потребовало немало усилий местных специалистов при установке и отладке. И будущего его весьма туманно из-за дороговизны ламп, хотя одному спектаклю, подготовленному самим Гвоздков-

МАСТЕР БЕЗ МАРГАРИТЫ

Драматическая ситуация сложилась в старейшем провинциальном театре России

Третья 1996. 28 мая 1996

вым, лампы все-таки послужили. На счету театра после ухода Петра Монастырского, руководившего коллективом сорок лет, с должностей худрука и главного режиссера оставалось около миллиарда рублей. Управление культуры выделило на развитие еще восемьсот миллионов. Помогали и спонсоры. Все эти суммы «плакали». У актеров и рабочих цехов исчезли премии и различные надбавки. Средняя зарплата снизилась до минимума.

Говорят, Гвоздкова знают по всей России, в Италии, Эстонии, в скандинавских странах. Говорят также, что не сильно-то он и рвался на самарскую сцену. Уговаривали. В контракте отразили «европейское» денежное довольствие, строительство квартиры, оплату гостиницы и прочие «прямали». Впрочем, сам контракт является жуткой коммерческой тайной, и сведения о нем просочились в коллектив со стороны. Представили Гвоздкова Самарскому театру заместитель губернатора О.Жабин, С.Хумарьян и председатель местного отделения Союза театральных деятелей В.Оттович. Коллектив почувствовал себя слегка оскорбленным (могли бы с ним и посоветоваться высокие начальники), но принял мастера, в общем, приветливо. К тому же Гвоздков узнал про небогатую жизнь театра и заявил, что теперь она будет лучше. Народ до сих пор гадал, чью жизнь он имел в виду. Познакомил мастера со зрителями и местное телевидение. Первый и единственный спектакль «О людях и мышах», поставленный в Самаре самим Гвоздковым, был принят благосклонно. Но в коллективе Самарского театра назревал кризис...

— Суть конфликта даже не в деньгах, которые Гвоздков тратит с размахом, а работники театра в это время голодают. Главная причина — в его отношении к людям, — говорит заслуженный артист республики Олег Свиридов. Многочисленные свидетели подтверждают лексические пассажи мастера, поворачившие ранним провинциальных актеров в полумертвое состояние. Кроме того, из сорока четырех актеров

труппы в спектаклях были заняты около десяти. Хотя худрук Гвоздков обязан организовать работу всей труппы. Как главный режиссер мастер тоже не отличался большим усердием, считают актеры. Творческий процесс протекал полней так, что у провинциалов чужесты отвисали. Приглашенный и тоже талантливый режиссер Д.Астрахан репетиций проводил наездными. Часто они проходили без него по видеозаписям... предыдущих репетиций. Но обошлось это театру в 30 млн. рублей.

Первые «бунтарские» речи в коллективе прозвучали весной, когда Гвоздков довел театр до полного безденежья и отбыл в Прибалтику ставить спектакль. Если бы директор В.Тузинов не раздобыл деньги на зарплату у сочувствующих коллективу спонсоров, Самара имела бы бастующий театр уже в апреле. Учитывая бедственное положение, директор и главный бухгалтер отказываются от персональных надбавок. Гвоздков их примеру не последовал. Очередная критическая ситуация возникла в эти дни. Гвоздков всячески оттягивал заключение коллективного договора, не желая себя связывать обязательствами перед профсоюзной организацией. Коллектив раскололся на враждующие группировки...

Мастер готов принять извинения

и благосклонно простить оппозиционеров. Но они не идут. «В упор», как выразился один из них, не желая видеть в стенах театра Гвоздкова. В непримиримой оппозиции цвет труппы: народная артистка СССР Вера Ершова, заслуженные артисты республики Ольга Шебеуева, Владимир Борисов, Олег Свиридов и многие другие, которых знает и любит Самара. В ответ на их претензии мастер, улыбаясь в бороду, отвечает со страниц газеты «Будни» коллективу театра: «Я вас очень люблю».

Впрочем, такая всеохватная любовь не помешала ему вынудить директора театра В.Тузинова, огласившего на собрании финансовые операции шефа, написать заявление об увольнении по собственному желанию. Причем «собственное желание» было так велико, что Тузинов попал в больницу. Вопреки мнению любимого коллектива Гвоздков тут же принял нового директора, которого в свое время выпроводили из театра. Теперь борьба ведется уже по двум направлениям: за увольнение Гвоздкова и восстановление Тузинова. Обсуждаются планы судебных баталий и установка палаток на площади перед местным Белым домом, если Гвоздкова попытаются оставить в театре. Неизбежно грянут очеред-

ные инфаркты и истерики.

— Областные руководители должны прекратить свой диктат по отношению к театру, — считает П.Монастырский, продолжающий работу рядовым режиссером. — Профсоюзная организация, весь коллектив сами разберутся в этой ситуации.

Не надо думать, что Вячеслав Алексеевич один в поле воин среди агрессивных самарских абorigенов. Солидарность с ним постоянно демонстрирует С.Хумарьян, а значит, и администрация области. Среди работников театра драмы сторонников мало, и мои предложения высказывать аргументы в защиту худрука остались без поддержки. Зато на его стороне правление местной организации Союза театральных деятелей. На днях в ответ на десятиминутную телепередачу, в ходе которой петербургские коллеги не очень лестно отзывались о работе Гвоздкова в «Балтийском доме», прозвучал часовой диалог в его защиту. Члены правления — представители оперного, ТЮЗа и других творческих коллективов Самары — с экранов очень эмоционально призывали актеров погасить всплеск эгоизма, не выносить грязь из избы и т.д. Особенно экспрессивной была речь председателя правления В.Оттовича. Актеры всегда жили бедно,

говорила она, с этим, дескать, ничего не поделаешь. А когда Ванду Павловну что-то не устраивало, она поворачивалась и безропотно уходила, чтобы не спорить с режиссером. На меня повеяло морально крепостной актрисой...

Я хотел бы, чтобы Гвоздкову были принесены извинения за адресованное ему одним актером в пылу разборок грубое слово. При этом я очень надеюсь, что мастер, оценив ситуацию, сам расторгнет контракт и расстанется с театром навсегда. Его ведь знают и ждут в Прибалтике, Италии и по всех скандинавских странах. Там гонорары не чета нашим — в Самаре-то теперь вовсе нечем платить. Да и нравы тут у нас провинциальные. Мы убеждены, что режиссеры, которые считают себя талантливыми, должны доказывать это своими спектаклями. Утверждать в них высокую мораль, да и в жизни стараться руководствоваться этими критериями.

Пока материал готовился к печати, закончился отпуск у коллектива театра. Первый рабочий день был ознаменован двумя событиями. В Пушкинском скверике прошел короткий митинг, в котором приняла участие большая часть труппы. А в театре — собрание. Председатель профкома И.Борискин в своем выступлении здесь высказал ту же мысль, что прозвучала и на митинге: решение о недоверии художественному руководителю остается в силе. Заместитель главы администрации области с этой мыслью не согласился и призвал коллектив жить дружно. Получится ли?

Александр ПЕТРОВ.

САМАРА.

Прокомментировать статью нашего сборка мы попросили председателя Союза театральных деятелей России, народного артиста Михаила Ульянова.

— Глядя из Москвы, трудно судить о том, кто прав, а кто виноват: я с уважением отношусь и к званиюшему на свои плечи столь тяжелую ношу Вячеславу Алексеевичу Гвоздкову и к артистам Самарского театра, которых я знаю и люблю. Скажу одно: победителей в этом конфликте не будет, раскол пагубен для любого театра. За примерами не надо далеко ходить: взгляните хотя бы на судьбы Таганки, МХАТа, Волгоградского театра драмы, который из-за внутреннего конфликта был закрыт.

Я не хочу касаться конкретных моментов статьи: с чем-то я согласен, что-то вызывает мои возражения. На мой взгляд, формально Вячеславу Алексеевичу Гвоздкову трудно предьявить какие-либо претензии, хотя ряд этических норм и, скорее всего, был нарушен. И все же подлинная причина конфликта, как мне кажется, в другом: его истоки лежат в тяжелом мучительном переходе Самарского театра из одного эстетического состояния в другое. Сорок лет его люди жили по одним эстетическим законам, а теперь им предлагается приспособиться к иным — легко ли это? Смена художественного руководителя драматична для любой труппы, а если худрук сразу же допустил этические ошибки то это вдвойне тяжело.

Меня насторожило то, что автор не обратил внимания на творчес-

кие проблемы театра, что он не озабочен его будущим. Отчасти я его понимаю: мне тоже нередко хочется, чтобы те, кому я соперничаю, победили. Внору, однако, задать себе правильный вопрос: «А что будет потом?» Ответ на него мне, увы, ясен: из-за того, что творится в труппе, мы можем потерять театр.

Артисты уже хотят собственной власти — им нужно актерское самоуправление, художественный совет, который встал бы во главе театра. В этом случае они сами будут приглашать режиссеров, сами станут определять, куда идти коллективу. В Самарском академическом театре решается вопрос, станут ли у руля артисты или же его поведет художественный лидер, способный предложить труппе и городу оригинальную эстетическую программу. Первый путь наиболее гибельный из всех возможных — коллегially управлять театром нельзя. Им может руководить только художественный лидер — режиссер, завет, ведущий артист — но не группа товарищей.

Я хочу верить в то, что возможности мирного, разумного решения конфликта далеко не исчерпаны. Я надеюсь, что режиссер и актеры смогут забыть подлинные и мнимые обиды и вместе двинутся дальше — ради собственного будущего, во имя замечательных традиций Самарского театра.